

Глава 2 Понтий Пилат

В белом плаще ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Больше всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла, и всё теперь предвещало нехороший день, так как запах этот начал преследовать прокуратора с рассвета. О боги, боги, за что вы наказываете меня?

"Да, нет сомнений! Это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания, при которой болит полголовы. От нее нет средств, нет никакого спасения. Попробую не двигать головой".

Прокуратор сел в кресло и секретарь дал ему письмо. Прочитав, он сказал:

- Подследственный из Галилеи? К тетрарху дело посылали?

- Да, прокуратор, - ответил секретарь.

- Что же он?

- Он отказался дать заключение по делу и смертный приговор Синедриона направил на ваше утверждение, - объяснил секретарь.

Прокуратор сказал тихо:

- Приведите обвиняемого.

И сейчас же привели человека лет двадцати семи. Этот человек был одет в старенький и разорванный голубой хитон.

- Так это ты подговаривал народ разрушить Ершалаимский храм?

- Добрый человек! Поверь мне...

Но прокуратор тут же перебил его:

- Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В Ершалаиме все шепчут про меня, что я чудовище, и это совершенно верно, - и так же монотонно добавил: - Кентуриона Крысобоя ко мне.

Всем показалось, что на балконе потемнело, когда кентурион предстал перед прокуратором.

Крысобой был на голову выше самого высокого из солдат легиона и настолько широк в плечах, что совершенно заслонил еще невысокое солнце.

Прокуратор обратился к кентуриону по-латыни:

- Преступник называет меня "добрый человек". Выведите его отсюда на минуту, объясните ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить.

Крысобой вывел арестованного в сад и не сильно ударил арестованного по плечам. Тот мгновенно упал на землю.

- Римского прокуратора называть - игемон. Других слов не говорить. Ты понял меня или ударить тебя?

Арестованный пошатнулся и ответил хрипло:

- Я понял тебя. Не бей меня.

Через минуту он вновь стоял перед прокуратором.

-Имя?

- Моё? – спросил арестованный.

Прокуратор сказал негромко:

- Моё - мне известно. Не притворяйся более глупым, чем ты есть. Твоё.

- Иешуа, - поспешно ответил арестант.

- Прозвище есть?

- Га-Ноцри.

- Откуда ты родом?

- Из города Гамалы, - ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на севере, есть город Гамала.

- Кто ты по крови?

- Я точно не знаю, - ответил арестованный, - я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...

- Где ты живешь постоянно?

- У меня нет постоянного жилища, - застенчиво ответил арестант, - я путешествую из города в город.

- Это можно выразить короче, одним словом - бродяга, - сказал прокуратор и спросил: - Родные есть?

- Нет никого. Я один в мире.

- Знаешь ли грамоту?

- Да.

- Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?

- Знаю. Греческий.

Пилат заговорил по-гречески:

- Так ты собирался разрушить здание храма и призывал к этому народ?

Арестант ответил по-гречески:

- Я, доб... я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие.

- Множество разных людей стекается в этот город к празднику. Бывают среди них маги, астрологи, предсказатели и убийцы, - говорил монотонно прокуратор, - а попадаютя и лгуны. Ты, например, лгун. Записано ясно: подговаривал разрушить храм. Так свидетельствуют люди.

- Эти добрые люди ничему не учились и всё перепутали, что я говорил.

Наступило молчание.

- Повторяю тебе, но в последний раз: перестань притворяться сумасшедшим, разбойник, - произнес Пилат мягко и монотонно, - за тобою записано немного, но этого достаточно, чтобы тебя повесить.

- Нет, нет, игемон, ходит, ходит один с пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Ничего из того, что там написано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал.

- Кто такой? - спросил Пилат.

- Левий Матвей, - объяснил арестант.

- Левий Матвей?

- Да, Левий Матвей.

- А вот что ты все-таки говорил про храм толпе на базаре?

- Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины.

- Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?

И тут прокуратор подумал: "О, боги мои! Я спрашиваю его о чем-то ненужном на суде... Мой ум не служит мне больше..." И опять померещилась ему чаша с темною жидкостью. "Яду мне, яду!"

И вновь он услышал голос:

- Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты помышляешь о смерти. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет.

Пилат поднял мученические глаза на арестанта.

- Ну вот, все и кончилось, - говорил арестованный, - и я чрезвычайно этому рад. Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях, ну хотя бы в садах на Елеонской горе. Прогулка принесла бы тебе большую пользу, а я с удовольствием сопровождал бы тебя. Мне пришли в голову кое-какие новые мысли, которые могли бы, полагаю, показаться тебе интересными, и я охотно поделился бы ими с тобой, тем более что ты производишь впечатление очень умного человека.

Секретарь смертельно побледнел и уронил свиток на пол.

- Беда в том, - продолжал он, - что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей.

Секретарь думал теперь только об одном, верить ли ему ушам своим или не верить. Приходилось верить.

Прокуратор сказал:

- Развяжите ему руки.

Легионер подошёл и снял веревки с арестанта.

- Сознайся, - тихо по-гречески спросил Пилат, - ты великий врач?

- Нет, прокуратор, я не врач, - ответил арестант.

- Я не спросил тебя, - сказал Пилат, - ты, может быть, знаешь и латинский язык?

- Да, знаю, - ответил арестант.

Пилат спросил по-латыни:

- Итак, ты врач?

- Нет, нет, - ответил арестант, - поверь мне, я не врач.

- Ну, хорошо. Если хочешь это держать в тайне, держи. Так ты утверждаешь, что не призывал уничтожить храм?

- Я, игемон, никого не призывал к этому, повторяю. Разве я похож на слабоумного?

- О да, ты не похож на слабоумного, - тихо ответил прокуратор и улыбнулся какой-то страшной улыбкой, - так поклянись, что этого не было.

- Чем хочешь ты, чтобы я поклялся? – спросил он.

- Ну, хотя бы жизнью твоею, - ответил прокуратор, - ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!

- Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил, игемон? - спросил арестант, - если это так, ты очень ошибаешься.

Пилат ответил:

- Я могу перерезать этот волосок.

- И в этом ты ошибаешься.

- Так, так. Не знаю, кто подвесил твой язык, но подвешен он хорошо. Кстати, скажи: верно ли, что ты пришёл в Ершалаим верхом на осле, сопровождаемый толпою черни, кричавшей тебе приветствия как бы некоему пророку?

- У меня и осла-то никакого нет, игемон, - сказал он. И никто мне ничего не кричал, так как никто меня тогда в Ершалаиме не знал.

- Не знаешь ли ты таких: Дисмаса, другого - Гестаса и третьего - Вар-раввана?

- Этих добрых людей я не знаю, - ответил арестант.

- Правда?

- Правда.

- А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова "добрые люди"? Ты всех, что ли, так называешь?

- Всех, - ответил арестант, - злых людей нет на свете.

- Впервые слышу об этом, но, может быть, я мало знаю жизнь! В какой-нибудь из греческих книг ты прочел об этом?

- Нет, я своим умом дошел до этого.

- И ты проповедуешь это?

- Да.

- А вот, например, кентурион Марк, Крысобой, - он - добрый?

- Да, - ответил арестант, - он, правда, несчастливый человек. С тех пор как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и черств. Интересно бы знать, кто его искалечил.

- Могу сообщить это, ибо я был свидетелем этого. Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя.

- Если бы с ним поговорить, - вдруг мечтательно сказал арестант, - я уверен, что он резко изменился бы.

- Этого не случится, к общему счастью, и первый, кто об этом позаботится, буду я.

- Слушай, Га-Ноцри, - заговорил прокуратор, глядя на Иешуа как-то странно: лицо прокуратора было грозно, но глаза тревожны, - ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре? Отвечай! Говорил?.. Или... не... говорил?

- Правду говорить легко и приятно, - заметил арестант.

- Мне не нужно знать приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придётся её говорить.

Никто не знает, что случилось с прокуратором Иудеи, но он поднял руку и послал арестанту какой-то сигнал.

- Итак, - говорил он, - отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кириафа, и что именно ты говорил ему, если говорил, о кесаре?

- Дело было так, позавчера вечером я познакомился возле храма с одним молодым человеком, который назвал себя Иудой из города Кириафа. Он пригласил меня к себе в дом в Нижнем Городе и угостил...

- Добрый человек? - спросил Пилат.

- Очень добрый и любознательный человек, - подтвердил арестант. Он попросил меня высказать свой взгляд на государственную власть. Его этот вопрос чрезвычайно интересовал.

- И что же ты сказал? - спросил Пилат, - или ты ответишь, что ты забыл, что говорил?

- Я говорил, что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдёт в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть.

- Далее!

- Далее ничего не было, - сказал арестант, - тут вбежали люди, стали меня вязать и повели в тюрьму.

- На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия! - закричал Пилат. И не тебе, безумный преступник, рассуждать о ней!

Потом он добавил: - Оставьте меня с преступником наедине, здесь государственное дело.

Конвой и секретарь вышли.

Первым заговорил арестант:

- Я вижу, что совершается какая-то беда из-за того, что я говорил с этим юношей из Кириафа. У меня, игемон, есть предчувствие, что с ним случится несчастье, и мне его очень жаль.

- Я думаю, - странно усмехнувшись, ответил прокуратор, - что есть еще кое-кто на свете, кого тебе следовало бы пожалеть более, чем Иуду из Кириафа, и кому придется гораздо хуже, чем Иуде! Итак, Марк Крысобой, холодный и убежденный палач, люди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие четырех солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда - все они хорошие люди?

- Да, - ответил арестант.

- И настанет царство истины?

- Настанет, игемон, - убежденно ответил Иешуа.

- Оно никогда не настанет! - вдруг закричал Пилат. - Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?

- Бог один, - ответил Иешуа, - в него я верю.

- Так помолись ему! Впрочем это не поможет. Жены нет? - почему-то тоскливо спросил Пилат, не понимая, что с ним происходит.

- Нет, я один.

- Если бы тебя зарезали перед твоим свиданием с Иудой из Кириафа, это было бы лучше.

- А ты бы меня отпустил, игемон, - неожиданно попросил арестант, - я вижу, что меня хотят убить.

- Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О, боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твое место? И слушай меня: если с этой минуты ты произнесешь хотя бы одно слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня! Повторяю тебе: берегись.

- Игемон...

- Молчать! - крикнул Пилат.

Когда секретарь и конвой вернулись на свои места, Пилат объявил, что утверждает смертный приговор.

Через минуту перед прокуратором стоял Марк Крысобой. Ему прокуратор приказал сдать преступника начальнику тайной службы и при этом передать ему распоряжение прокуратора о том, чтобы Иешуа Га-Ноцри был отделен от других осуждённых, а также о том, чтобы команде тайной службы было запрещено о чем бы то ни было разговаривать с Иешуа или отвечать на какие-либо его вопросы.

По знаку Марка вокруг Иешуа сомкнулся конвой и вывел его с балкона.

Таким образом, к смертной казни, которая должна совершиться сегодня, приговорены трое разбойников: Дисмас, Гестас, Вар-равван и, кроме того, этот Иешуа Га-Ноцри. Первые двое подбивали народ на бунт против кесаря, взяты с боем римской властью, числятся за прокуратором, и, следовательно, о них здесь речь идти не будет. Последние же, Вар-равван и Га-Ноцри, схвачены местной властью и осуждены Синедрионом. Согласно закону, согласно обычаю, одного из этих двух преступников нужно будет отпустить на свободу в честь наступающего сегодня великого праздника пасхи.

Итак, прокуратор желает знать, кого из двух преступников намерен освободить Синедрион: Вар-раввана или Га-Ноцри? Каифа склонил голову в знак того, что вопрос ему ясен, и ответил:

- Синедрион просит отпустить Вар-раввана.

Прокуратор хорошо знал, что именно так ему ответит первосвященник, но задача его заключалась в том, чтобы показать, что такой ответ его удивил.

- Признаюсь, этот ответ меня удивил, - мягко заговорил прокуратор, - боюсь, нет ли здесь недоразумения.

Пилат объяснился. Римская власть ничуть не покушается на права духовной местной власти, первосвященнику это хорошо известно, но в данном случае налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки римская власть, конечно, заинтересована.

В самом деле: преступления Вар-раввана и Га-Ноцри совершенно не сравнимы по тяжести. Если второй, явно сумасшедший человек, повинен в произнесении нелепых речей, смущавших народ в Ершалаиме и других некоторых местах, то первый отягощен гораздо значительнее. Мало того, что он позволил себе прямые призывы к мятежу, но он еще убил стража при попытках брать его. Вар-равван гораздо опаснее, нежели Га-Ноцри.

Каифа прямо в глаза посмотрел Пилату и сказал тихим, но твердым голосом, что Синедрион внимательно ознакомился с делом и вторично сообщает, что намерен освободить Вар-раввана.

- Как? Даже после моего ходатайства? Ходатайства того, в лице которого говорит римская власть? Первосвященник, повтори в третий раз.

- И в третий раз мы сообщаем, что освобождаем Вар-раввана, - тихо сказал Каифа.

Все было кончено, и говорить более было не о чем. Га-Ноцри уходил навсегда, и страшные, злые боли прокуратора некому излечить; от них нет средства, кроме смерти. Но не эта мысль поразила сейчас Пилата. Ему казалось, что он чего-то не договорил с осуждённым, а может быть, чего-то не дослушал.

-Побереги себя, первосвященник.

- Что слышу я, прокуратор? - гордо и спокойно ответил Каифа, - ты угрожаешь мне после вынесенного приговора, утвержденного тобою самим? Может ли это быть? Мы привыкли к тому, что римский прокуратор выбирает слова, прежде чем что-нибудь сказать. Не услышал бы нас кто-нибудь, игемон?

Пилат мертвыми глазами посмотрел на первосвященника и изобразил улыбку.

- Что ты, первосвященник! Кто же может услышать нас сейчас здесь?

- Веришь ли ты, прокуратор, сам тому, что сейчас говоришь? Нет, не веришь! Не мир, не мир принес нам обольститель народа в Ершалаим, и ты, всадник, это прекрасно понимаешь. Ты хотел его выпустить затем, чтобы он смутил народ, над верою надругался и подвел народ под римские мечи! Но я, первосвященник иудейский, пока я жив, не дам на поругание веру и защищу народ! Ты слышишь, Пилат? - И тут Каифа грозно поднял руку: - Прислушайся, прокуратор!

Тут прокуратор понял, что римская пехота уже выходит, согласно его приказу, стремясь на страшный для бунтовщиков и разбойников предсмертный парад.

- Ты слышишь, прокуратор? - тихо повторил первосвященник, - неужели ты скажешь мне, что всё это вызвал жалкий разбойник Вар-равван?

Прокуратор сказал тихо и равнодушно:

- Дело идет к полудню. Мы увлеклись беседою, но надо продолжать.

Итак, Пилат поднялся на помост. Лишь только белый плащ возник в высоте на каменном утесе над краем человеческого моря, Пилату в уши ударила звуковая волна: "Га-а-а..." Она началась негромко, зародившись где-то вдали у гипподрома, потом стала громоподобной и, продержавшись несколько секунд, начала спадать. "Увидели меня", - подумал прокуратор. Волна не дошла до низшей точки и неожиданно стала опять вырастать и, качаясь, поднялась выше первой, и на второй волне, как на морском валу вскипает пена, вскипел свист и отдельные, сквозь гром различимые, женские стоны. "Это их ввели на помост... - подумал Пилат, - а стоны оттого, что задавили нескольких женщин, когда толпа подалась вперед".

Он выждал некоторое время, зная, что никакою силой нельзя заставить умолкнуть толпу, пока она не выдохнет все, что накопилось у нее внутри, и не смолкнет сама. И когда этот момент наступил, прокуратор выбросил вверх правую руку, и последний шум сдуло с толпы.

Тогда Пилат набрал, сколько мог, горячего воздуха в грудь и закричал:

- Именем кесаря императора!

Солдаты закричали:

- Да здравствует кесарь!

- Четверо преступников, арестованных в Ершалаиме за убийства, подстрекательства к мятежу и оскорбление законов и веры, приговорены к позорной казни - повешению на столбах! И эта казнь сейчас совершится на Лысой Горе! Имена преступников - Дисмас, Гестас, Вар-равван и Га-Ноцри. Вот они перед вами!

Толпа ответила длинным гулом как бы удивления или облегчения. Когда же он потух, Пилат продолжал:

- Но казнены из них будут только трое, так как, согласно закону и обычаю, в честь праздника пасхи одному из осужденных, по выбору Малого Синедриона и по утверждению римской власти, великодушный кесарь император возвращает его презренную жизнь!

Имя того, кого сейчас при вас отпустят на свободу...

Он сделал еще одну паузу, задерживая имя, проверяя, все ли сказал, потому что знал, что мертвый город воскреснет после произнесения имени счастливица и никакие дальнейшие слова слышны быть не могут.

"Все? - беззвучно шепнул себе Пилат, - все. Имя!"

И, раскатив букву "р" над молчащим городом, он прокричал:

- Вар-равван!

Тут ему показалось, что солнце, зазвеневав, лопнуло над ним и залило его огнем уши. В этом огне бушевали рев, визги, стоны, хохот и свист.

Пилат повернулся и пошел по мосту назад к ступеням. Он знал, что теперь у него за спиной на помост градом летят бронзовые монеты, финики, что в воющей толпе люди, давя друг друга, лезут на плечи, чтобы увидеть своими глазами чудо - как человек, который уже был в руках смерти, вырвался из этих рук! Как он улыбается бессмысленной сумасшедшей улыбкой.

Он знал, что в это же время конвой ведет к боковым ступеням троих со связанными руками, чтобы выводить их на дорогу, ведущую на запад, за город, к Лысой Горе. Лишь оказавшись за помостом, в тылу его, Пилат открыл глаза, зная, что он теперь в безопасности - осужденных он видеть уже не мог.

К стону начинавшей утихать толпы примешивались теперь и были различимы пронзительные выкрики глашатаев, повторявших одни на арамейском, другие на греческом языках все то, что прокричал с помоста прокуратор. Кроме того, до слуха долетел дробный, стрекочущий и приближающийся конский топот и труба, что-то коротко и весело прокричавшая. Этим звукам ответил сверлящий свист мальчишек с кровель домов улицы, выводящей с базара на гипподромскую площадь, и крики "берегись!".

Солдат, одиноко стоявший в очищенном пространстве площади со значком в руке, тревожно взмахнул им, и тогда прокуратор, легат легиона, секретарь и конвой остановились.

Летающий рысью маленький, как мальчик, темный, как мулат, равняясь с Пилатом, что-то тонко выкрикнул и выхватил из ножен меч. Злая лошадь шарахнулась, поднялась на дыбы. Вбросив меч в ножны, командир ударил плетью лошадь по шее, выровнял ее и поскакал в переулок, переходя в галоп. Закрываясь от пыли рукой и недовольно морща лицо, Пилат двинулся дальше, устремляясь к воротам дворцового сада, а за ним двинулся легат, секретарь и конвой. Было около десяти часов утра.